

*Современная
русская проза*

ПЕРВОЕ АПРЕЛЯ

Рассказы

Сергей ДИК

"Российский писатель" 2022

Сергей Иосифович Дик

Первое апреля

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68008830

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-91642-314-3

Аннотация

Сергей Иосифович Дик родился в Москве в 1953 году. Первый рассказ напечатал в журнале "Юность" в двадцать пять лет. Зав. отделом юмора в то время был писатель-драматург Виктор Славкин, он же дал рекомендацию Сергею на участие в IV Московском совещании молодых писателей. Рассказы Сергея Дика печатались в центральных газетах и журналах, но большая их часть все же в «альма матер» – в журнале «Юность», в двухтомнике "Юность» за 25 лет. Избранное". Первый институт Сергея – МИИГАиК; получив диплом аэрофотогеодезиста, он облетал пол страны, выполняя воздушную съемку. Второй институт – ВГИК, режиссура науч.-поп. кино; на этой стезе работает и по сей день. Особое увлечение – яхтинг, призер и победитель нескольких регат. В издательстве "Российский писатель" вышли книги писателя "Жертва воспитания" и "Первое апреля". За книгу «Первое апреля» Сергей Дик стал лауреатом «Российского писателя» 2022 г. в номинации «Проза».

Содержание

Об авторе	4
От издателя	7
Кокосовый орех	12
Жертва воспитания	17
По прямой	20
Времена года	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Сергей Дик

Первое апреля

Об авторе

Сергей Дик родился в Москве в 1953 году. Первый рас-

сказ напечатал в журнале «Юность» в двадцать пять лет. Зав. отделом юмора в то время был писатель-драматург Виктор Славкин, он же дал рекомендацию Сергею на участие в IV Московском совещании молодых писателей.

Рассказы Сергея Дика печатались в центральных газетах и журналах, но большая их часть все же в «альма матер» – в журнале «Юность», в двухтомнике "Юность» за 25 лет. Избранное".

Первый институт Сергея – МИИГАиК; получив диплом аэрофотогеодезиста, он облетал пол страны, выполняя воздушную съемку. Второй институт – ВГИК, режиссура науч. – поп. кино; на этой стезе работает и по сей день. Особое увлечение – яхтинг, призер и победитель нескольких регат.

Дружеский шарж. Народный художник СССР Б.Е. Ефимов, 1979

От издателя

Конечно же, новые поколения писателей могут позавидовать Сергею Дику, шаржевый портрет которого открывает эту книгу. Принадлежит этот портрет выдающемуся художнику-графику, непревзойденному мастеру карикатуры Борису Ефимову, являющемуся, к тому же, братом нашего хрестоматийного писателя, журналиста, общественного деятеля и публициста Михаила Кольцова.

Но если у меня есть возможность говорить о Сергее Дике, как о писателе, обладающем культурой слова и художественного мышления, то это, в первую очередь, потому что принадлежит он к поколению, жадно открывающему для себя в пору своей молодости таких выдающихся мастеров прошлого, как Булгаков и Зощенко, или – как автор самой популярной в те годы повести «В поисках жанра» Аксенов, и многих других. При всей самобытности этих тогда наиболее популярных писателей, схожи они были в том, что юмор для них был не столько жанром, сколько особым характером их талантов.

То есть, это было время, когда культура и литература такого высокого уровня были словно бы растворены в самом воздухе, когда книги и журнальные публикации словно бы не прочитывались, а с восторженным волнением вдыхались.

И уж если автора первых юмористических рассказов Сер-

гея Дика сам Борис Ефимов одарил портретом, то это потому, что узнал он в нем того писателя-юмориста, который не просто может смешить читателя, а еще и с сочувствием всматривается в своих героев.

Вот Сергей Дик в рассказе «Кокосовый орех» вроде бы как и не собирается нас смешить:

«Середина лета. Духота. В душе разлад. В отделе все ходят, как слепни, облитые водой. Сквозняк лениво треплет занавеску. Кажется, ей и самой лень беспрестанно вздуться и опадать...» А когда выясняется, что рассказ этот о противоречии между мечтами и судьбой такой, какая она нам выпадает на самом деле, то вроде бы как должно быть смешно, но мне, читателю, становится еще и грустновато.

Но сказать о прозе Сергея Дика вроде того, что это «смех сквозь слезы», значит, ничего не сказать.

Всё дело в том, что юмор, в отличие от всех прочих жанров, слишком легко становится пошлым или, в лучшем случае, примитивным, если писатель-юморист своих героев изображает без должной правдивости. Например, Лев Толстой утверждал, что Наташу Ростову писал *«с себя»*, Флобер заявлял: *«Мадам Бовари – это я!»*

Вот и высокий юмористический жанр – это когда автор пишет о смешном и жалком человечке, или вовсе не о смешном, как, например, в рассказе «Жертва воспитания», с глубокой эмпатией, когда сам юмор обретает еще и лирические интонации, и исповедальную достоверность.

А мы, к сожалению, за последнюю треть века утратили эту культуру сопереживания, сочувствия, сострадания к человеку такому, каким он оказался встреченным и увиденным нами в наше время.

И вот мне выпало издавать книгу писателя не нового, а классического, хотя и являющегося нашим современником.

Приведу в небольшом сокращении его совсем уж короткий рассказ «Вечерний звонок»:

«— Алло?

Гудки.

В комнате все переглянулись. Семиклассница Наташа подумала, что это звонит старшеклассник Витя. Аспирант Боря подумал, что это звонит студентка Люда. Мать подумала, что это первая любовь – геолог Миша. Отец подумал, что это секретарша Элла Сергеевна. Бабушка – что это кавалерист Егор Петрович. Дедушка – что это бывшая танцовщица Дулевская.

А это звонил я, чтобы сделать людям приятное».

Конечно же, этот почти святочный рассказ утаивает суть взаимоотношений между неведомыми нам *Наташей* и *Витей*, *Борей* и *Людой* и т. д, но – это именно тот случай, когда жанр юмористического рассказа побуждает нас еще и взгрустнуть, вспомнить и задуматься о чем-то своем.

Есть у Сергея Дика рассказы, побуждающие к размышлению, скажем так, о неизбежности противоречий между наукоемкой средой нашего обитания и нами, её осваивающи-

ми. Например, об использовании ЭВМ в футбольных матчах, чтобы во время пенальти удар по мячу производился с учетом всех сведений о вратаре, вплоть до его *«веса и роста при рождении»* («Матч века»). И даже если одна из команд получает желтую карточку от судьи, то не за грубую игру, а за попытку *«искроразрядным устройством»* создать *«радиопомехи»* своим противникам. А в рассказе «В микромире» физик предлагает слесарю ЖЭКа за его работу свою книгу о *«микро- и макромире»*. Но тот предпочел бутылку. И дома, допив эту бутылку, он *«почувствовал себя другим человеком. А ведь другому человеку выпить тоже хочется!»* И вот слесарь вдруг обнаружил, что *«на него из пустой бутылки смотрит физик»*. И, как положено истинному искусителю, он уже не только *«с рожками и копытцами»*, а и с еще одной бутылкой. Конечно же, слесарь не устоял, к физика присоединился. А допив с физиком более мелкую посудину, обнаружил в ней еще одну. И так перемещался в уменьшающиеся в размерах бутылки до тех пор, пока не обнаружил вокруг себя *«электроны, пи-мезоны, разные альфа-беты»* и *«протоны»*, которые его к себе притягивали и тем вынуждали их от себя отталкивать. Потом, конечно же, он проснулся. И физика, пришедшему к нему с просьбой починить еще и сливной бачек, слесарь изложил вот эту собственную просьбу: *«...но ты эта... книгу о микромире тоже давай, а то я там, кажись, ботинки потерял...»*

Конечно же, жанр юмористического рассказа обрекает пи-

сателя на некую долю условности в изображении своих героев. Но, что касается Сергея Дика, то эту вынужденную условность он преодолевает её изобразительной плотностью и психологической достоверностью своей прозы.

Формат издательского предисловия не позволяет мне смысловую *гармонию* каждого рассказа Сергея Дика восторженно или даже и завистливо «*поверить алгеброй*». Справедливости ради, я лишь ко всему выше сказанному добавлю, что если б автор столь замечательных литературных текстов вдруг был бы озвучен талантливыми актерами в юмористических программах на телевидении, то это событие воспринялось бы нами, как добрый знак. В том смысле, что сегодня очень уже много рассуждают о необходимости вернуться к традиционным культурным и нравственным ценностям. А вот же есть книга – юмористическая, развлекательная – но при этом возвращающая нам, скажем так, высокие смыслы нашему современному человеческому бытованию.

Николай ДОРОШЕНКО,

заместитель председателя Союза писателей России

Кокосовый орех

Середина лета. Духота. В душе разлад. В отделе все ходят, как слепни, облитые водой. Сквозняк лениво треплет занавеску. Кажется, ей и самой лень беспрестанно вздуться и опадать. Веки тяжелеют. Наваливаются какие-то глобальные мысли, которые хочется обдумывать с закрытыми глазами. Единственно, кто олицетворяет жизнь в отделе – это мухи. Они водят в воздухе хороводы, катаются друг на дружке по канцелярским столам и бьются сдуру о стекло.

Фаланга столов упирается в широченную оконную раму. Во главе фаланги восседает ст. инж. Глеб Иванович Серегин. Всем видна только спина Серегина, анфас его может лицезреть только всевышний. И Глеб использует это обстоятельство на все сто процентов. Он ставит локоть левой руки на стол, разворачивает ладонь к себе и упирается в нее переносицей. Все! Можно расслабиться, смежить веки, подумать о своем.

Сейчас Глеб думает о прошлом уикенде. Они с супругой взяли термос с чаем, большое покрывало и поехали на Москва-реку. Там Глеб зашел от берега по грудь, подул во-круг себя на воду, отгоняя радугу промышленного происхождения, и погрузился с головой... Прекрасно!

Сзади хлопает дверь. Входит длинноногая машинистка Люся.

– Серегин, – кричит Люся, – срочно к директору.

Над головой директора, как у святого, витает нимб забот. Он жмет Серегину руку и кивает на стул.

– Глеб Иванович, как у вас со здоровьем?

– А что? – не поддается на провокацию Серегин.

– Ну, в общем так, – говорит директор, – Тур Хейердал готовит новую экспедицию по маршруту: Дакар – остров Святого Павла – остров Вознесения – остров Святой Елены – Рио-де-Жанейро. Пришла разнарядка на одного человека. Мы решили послать вас. Вечером созвонитесь с Сенкевичем, оговорите все подробности. Сейчас идите в бухгалтерию и получите отпускные за четыре месяца. Желаю успеха! Да, чуть не забыл, с вас кокосовый орех с молоком!

До последнего момента Глеб думает, что это какой-то чудовищный розыгрыш, но когда бухгалтерия раскошеливается и главбух тоже просит привезти кокосовый орех с молоком, сомнения отпадают.

А в отделе уже суматоха. Первым жмет руку начальник отдела, затем налетают разом все сотрудники: остроты, поцелуи, смех, на шею вешается машинистка Люся – все это ласкает душу, повышает уважение к себе. Напоследок, не сговариваясь, все заказывают кокосовый орех с молоком. Всего восемнадцать штук.

И начинается. Визы, согласования, трехдневное скоростное изучение английского языка, тренировки по плаванию, собеседования с женой...

Наконец все позади. Глеб Иванович Серегин утопает в мягком кресле «Боинга-747» авиакомпании «Эр Африк»

и потягивает пепси-колу. Лайнер прогревает двигатели, мелко дрожа от нетерпения погреть свои крылышки под экваториальным солнцем. В иллюминатор залетают улыбки многочисленной толпы. Все показывают руками что-то круглое и тычут пальцами вверх. «Ага, кокосы», – догадывается Глеб.

На чистом английском языке что-то вещает стюардесса красоты необыкновенной: в полроста ноги, в пол-лица глаза, в полразмаха крыльев «Боинга» ресницы.

«И ей привезу кокос», – думает Серегин на взлете.

И лазурная гладь океана. И африканское солнце в зените. И медленно скользит под парусами полу-пирога, полуплот, полуяхта Тура Хейердала. Серегин сидит на корме и держит руль.

– Курс зюйд-вест, – кричит Тур.

– О'кей, – отвечает Глеб.

К ногам шлепается летучая рыба. Глеб нанизывает ее на лить и вешает на бом-брам-лисель-шкот. После вахты будет с чем пинту пива выпить.

– Квартальный отчет в сундук мертвеца, ой-хохо и бутылка рома! – в ритме самбы напевает Серегин старинную пиратскую песню. Но что-то уж сильно печет голову. Нет, невозможно, надо надеть сомбреро. А его как назло вчера унесла «Стелла» – тайфун, налетевший с норд-веста.

Подходит Сенкевич.

– Серегин, где отчет за третий квартал?

– Юрий Александрович, ну хоть в Атлантике не будем об

этом, – не глядя, отвечает Глеб и лихо перекладывает руль влево.

– Серегин! Где отчет?..

Глеб протирает глаза. Перед ним начальник отдела.

– Извините, – медленно вставая, начинает оправдываться Серегин, – с кокосовыми орехами сейчас туго, недавно прошла полоса муссонов с ливнями, они еще не созрели...

Жертва воспитания

Когда к нам на работу поступил Фиалкин, о нем сразу узнал весь институт. Нет, он не был потрясающе красив и не обладал высокими научными степенями. Просто он в присутствии женщин... вставал.

Сначала этого никто не заметил. Думали, он по делу встает или у него болит что-нибудь. Но он проделывал это с таким завидным постоянством, что все поняли: Фиалкин фанатически культурен.

Эйнштейн не учел одного: со скоростью света могут распространяться не только частицы с массой покоя равной нулю, но и слухи! Весь институт был наэлектризован в один миг. Женщины вызывающе смотрели на мужчин, мужчины отвлеченно смотрели в окно. Сотрудницы отдела якобы по делу стали непрерывно заскакивать в комнату, где сидел Фиалкин. Фиалкин автоматически вставал. Наслышанные о таких чудесах, из других отделов тоже забегали женщины, и иногда у заветной двери образовывалась целая очередь.

Естественно, все сотрудницы, включая и замужних, прониклись к Фиалкину чувством похожим на любовь. От него веяло какой-то средневековой деликатностью, рыцарской надежностью и неброской целеустремленностью. Его хотелось взять за руку и идти с ним к горизонту, не оглядываясь и не спрашивая зачем.

Среди наших мужчин произошел раскол. Они разделились на два лагеря: на тех, кто в присутствии женщин начал вставать, и на тех, кто принципиально не вставал. Первые, однако, оказались в невыгодном положении. Вставая, они не

знали, куда девать глаза, краснели, хрустели пальцами, часто дышали. Легкости и изящества Фиалкина у них не было и в помине.

Создалась взрывная ситуация, воздух перенасытился электричеством, так дальше продолжаться не могло.

И взрыв грянул! Поводом послужило то, что из-за упавшей производительности труда наш НИИ лишили квартальной премии.

Десять мужчин во главе с бывшим борцом Потапенко втащили за грудки Фиалкина в туалет и попросили больше в присутствии женщин не вставать.

– Коллеги, – взмолился Фиалкин. – Сжальтесь. Я уже много организаций сменил... Я бы с удовольствием не вставал, но не могу... У меня воспитание такое.

– У-у-у! – зловеще загудели мужчины, и кольцо вокруг Фиалкина сомкнулось.

На следующий день, когда Фиалкин пришел в отдел кадров забирать документы, все женщины встали.

По прямой

Этой ранней весной вдруг заметил, что веду себя, как фазан на току. Головой верчу, в лица заглядываю, догоняю, обгоняю, а для знакомства всегда готовая фраза: «А нет ли у нас общих знакомых, которые могли бы нас познакомить?»

В один прекрасный день сказал себе: «Хватит. Пора начинать новую жизнь. Судьба сама столкнет с кем надо. Женюсь. Заведу детей, остепенюсь».

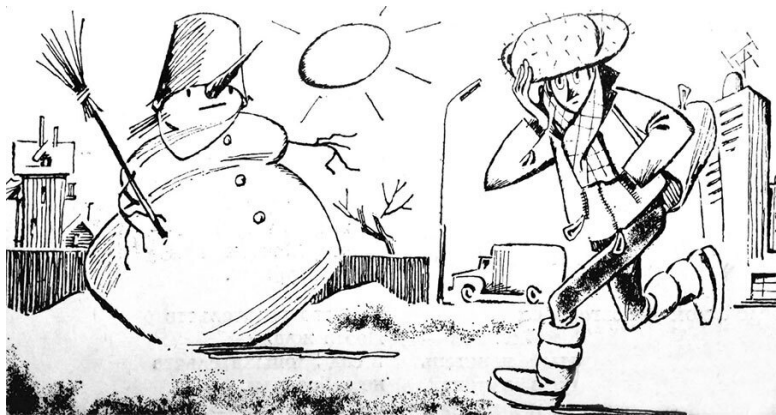
Вышел на улицу – голова прямо. До метро добрался успешно, как комета, по прямой вжик – и все. У метро шея заболела. Знаете, какие нужны адские усилия, чтобы смотреть только перед собой?!

В метро начались искушения. Час пик. Одну ко мне прижали, другой бы месяц охотился, а я... Знаете, что я говорю?

– Девушка, – говорю, – нельзя же так... – и поворачиваюсь к ней спиной.

На эскалаторе не легче. Перед моим носом такой экземпляр встал... Другой бы год охотился, а я... Глаза закрыл, рукой перила сжал, жду, когда все это кончится.

Наверх из метро вышел и облегченно вздохнул. Значит, могу! Значит, не конченный я человек; значит, начну новую жизнь: судьба сама столкнет с кем надо; женюсь, заведу детей, остепенюсь.

И тут замечаю, прямо на меня что-то движется. Глаза зеленые, волосы белые, джинсы синие – как трехцветный флаг неведомой страны. Другой бы всю жизнь охотился, а я... Делаю вид, что не вижу. Идем лоб в лоб. Она на меня, я на нее. Остается десять метров. «Главное, – думаю, – как комета». Остается два метра. Сжимаюсь. Метр. Каменею. Полметра. Четверть... Бац!!! Грохот, искры, туман, тишина... Галактическая пыль закручивается в спираль. Мы растворяемся и становимся единым целым. Она моей половиной, я – ее. И вокруг много планет – это наши дети. И все на меня похоже, мальчики и девочки. И все у нас с «половиной» общее: деньги, знакомства и, главное, принципы.

Оказывается, она в тот день тоже решила ни на кого не смотреть и шла по прямой.

Времена года

В тот вечер мы решили с другом прогуляться, ноги размять. Вышли на улицу. Мороз ноздри щекочет. Смех превращается в пар и остается за плечами. Короче, идем нога в ногу, душа в душу.

Вдруг р-раз – перед нами выпархивают откуда-то две девушки. Движения легкие. Шапочки набекрень. И тоже смеются.

Мы за ними. Идем, как в детском саду, по парам. Они спереди, мы сзади. А дело происходило на улице Герцена. И чтоб как-то худо-бедно начать разговор, я спрашиваю:

– Вы, случайно, не в консерваторию спешите?

– Ага, – говорят, – опаздываем.

«Как же, – думаю, – такие по консерваториям не ходят, таких ждут где-нибудь». Ну, слово за слово, шуточки разные: «А вы на барабане играете? И я нет. У нас много общего. А консерватория – это там, где консервы делают?» Доходим до памятника Чайковскому, они р-раз – и сворачивают на самом деле в консерваторию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.